

ГЛАВА I. ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ ЕВГЕНИКИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ЕВГЕНИЧЕСКИХ УТОПИЙ

Евгеническим утопиям различных исторических эпох присущи повторяющиеся элементы. Их можно назвать принципами или мифологемами в зависимости от того, под каким углом зрения предполагается рассматривать ту или иную теоретическую конструкцию или представление.

Среди этих повторяющихся элементов наиболее бросается в глаза постоянное присутствие мотива дегенерации человечества. В общем виде он выражает представление (или глубокое убеждение) о том, что современный человек является результатом постепенного вырождения человека древности, во всех отношениях более совершенного, чем его ущербные потомки. При этом соотносительные понятия «раньше» и «теперь», формально являющиеся обстоятельствами времени, в евгеническом дискурсе обретают статичность и незыблемость абсолютных значений: время течет (в том числе и конкретное историческое время), но человек прошлого неизменно оказывается более совершенным, чем человек настоящего. Вне зависимости от того, какой исторический период становится предметом рассмотрения, всегда оказывается, что «раньше» человек был здоровее, красивее, умнее, благочестивее и восприимчивее к прекрасному, чем «теперь». Примечательно, что интуитивное убеждение в том, что биологическая и нравственная эволюция человека идет по нисходящей линии, с какого-то момента прекрасно уживается с интуитивным же убеждением, что исторический процесс в целом развивается по восходящей, благодаря чему

человечество медленно, но верно продвигается от состояния дикости, через варварство, к цивилизации. Сейчас уже невозможно определить, когда именно и почему сформировалась базовая мифологема евгенического дискурса о разнонаправленности векторов социального и биологического прогресса человечества, но она послужила основой для разработки многих теоретических положений евгенических проектов так называемого «научного» периода. Так, например, социал-дарвинисты, о которых еще пойдет речь, считали цивилизованный образ жизни одним из основных факторов физического вырождения человека.

Идея вырождения гораздо старше собственно евгенических проектов. Она присутствует в самых ранних мифологических представлениях, относящихся к тем временам, когда мысль о том, что человек может самостоятельно, пользуясь только своим ограниченным умишком изменить что-то в своем теле, еще не возникала. И практически любое из рассуждений евгенического характера, особенно относящееся к т.н. «классическому» периоду в истории этой дисциплины, начинается с утверждения о том, что человечество вырождается.

Другим обязательным элементом евгенического дискурса является представление о здоровье населения как об общественном благе или даже «достоянии» — в зависимости от того, насколько радикальны намерения автора проекта. До появления «либеральной» евгеники именно этот элемент обеспечивал саму возможность евгенического подхода. Но даже упомянутый смягченный вариант евгеники не меняет сути дела, ибо и либеральная евгеника строится на приоритете чуждого по отношению к данному конкретному индивиду пониманию «блага». С точки зрения объекта евгенического вмешательства нет принципиальной разницы в том, от кого исходят решения: от заботливого государства или от заботливых родителей.

Третьим элементом, формирующим каркас евгеники, является, если можно так выразиться, «научный подход». Слово «научный» взято в кавычки, поскольку этот прин-

цип — руководствоваться в конструировании нового человека объективным знанием, умением, опытом веков, здравым смыслом и т.д. — характерен и для евгенических проектов, относящихся к тем временам, когда науки в современном ее понимании еще не было. «Научный» подход предполагает, что всякий евгенист руководствуется в своей работе не только благими намерениями, но непременно и *знанием*, причем знанием двоякого рода. С одной стороны, это знание того, что должно быть изменено (т.е. у него имеются четкие представления об идеале, цели вмешательства), а с другой, он знает способ, т.е. располагает знанием того, какими «техническими» средствами этот идеал может быть достигнут.

Обязательное присутствие этого третьего элемента в евгенических проектах не столь очевидно, как присутствие идеи вырождения, поскольку технические приемы усовершенствования, как и само представление об идеале постоянно меняются в зависимости от того, на какой стадии цивилизационного процесса создается очередной образ «человека будущего». Но сам по себе инструментальный подход присущ всем работам из евгенической области. От того, что представления о «космосе» не стоят на месте, существо дела не меняется: Кампанелла предполагал, что для получения особи с заданными свойствами необходим точный астрологический расчет времени зачатия, а современные ученые возлагают аналогичные надежды на расшифровку генома человека. Но и в том и в другом случае считается, что знание условий рождения (в широком смысле) позволит получать индивида с заданными качествами.

Все это доводы в пользу того, что многообразие евгенических проектов обманчиво, о чем свидетельствуют перечисленные повторяющиеся элементы. Конечной целью любого из них является прекращение неконтролируемого размножения людей, а исходной точкой — тезис о вырождении человечества. В качестве морального оправдания используется

тезис о приоритете общественного блага над личным и о том, что в идеальном государстве каждый ребенок должен быть желанным, а каждый гражданин — полезным.

«Золотой век» — базовый миф о вырождении человека

Желание усовершенствовать человека — гораздо древнее собственно евгенических программ. Впервые оно возникает, вероятно, вместе с осознанием человеком самого себя, своей родовой самоидентичности. Как только человек осмыслил свою отделенность от окружающего мира, мысль о собственном несовершенстве оформилась в его сознании и нашла отражение в мифах о «золотом веке» — том времени, когда все было устроено гораздо лучше, чем «сегодня». Задолго до того, как стали возможны какие-либо программы переустройства человека и человеческого общества, мысль об актуальном несовершенстве человека уже прочно укоренилась в менталитете, проникнув в него вместе с мифами о сотворении мира.

Наибольший интерес для нашего исследования представляет тот факт, что в той или иной форме миф о лучших временах встречается у самых разных народов, разделенных пропастью времени и расстояния. Например, тотемические мифы аборигенов Австралии повествуют о необычных свойствах, присущих некоторым из предков людей, которые могли самостоятельно возноситься на небо или опускаться под землю. Скандинавская мифология повествует о блаженных временах на заре мироздания, когда только что сотворенный мир был еще совершенен и гармоничен, и асы, первенцы творения, жили в радости, в окружении предметов из чистого золота. В Шумере верили в существование волшебной «страны живых», в которой люди не знали ни болезней, ни смерти. Согласно представлениям майя первые люди были умны, красивы и проницательны, но позже ревнивые богосоздатели лишили их этих качеств. В поэме Фирдоуси «Шах-

наме» описывается семисотлетнее царствование шаха Джамшида, когда люди и скот были бессмертны, травы и деревья вечно плодоносили и погода стояла всегда приятная (ни холода, ни жары).

Наиболее широко известны античные представления о золотом веке, дошедшие до нас благодаря произведениям Овидия и Гесиода. Овидий в «Метаморфозах» так описывает счастливые времена создания человека:

И родился человек. Из сути божественной создан
Был он вселенной творцом, зачинателем лучшего мира,
Иль молодая земля, разделенная с горним эфиром
Только что, семя еще сохранила родимого неба?¹

В приведенном фрагменте, причина совершенства первых людей объясняется тем, что в те первые после сотворения мира века человечество еще несло на себе отпечаток небесного происхождения. Но вслед за совершенным золотым веком, когда для соблюдения «правды и верности» еще не требовалось никаких законов, последовал век серебряный (Юпитер создал зиму и люди были вынуждены поселиться в пещерах и заняться земледелием), а затем медный и, наконец, железный. Жизнь на земле становилась все менее приятной и беззаботной, а вместе с умножением бедствий происходила и деградация человека:

Стыд убежал, и правда и верность;
И на их место тотчас появились обманы, коварство;
Козни, насилье пришли и проклятая жажда наживы².

Этот отрывок из «Метаморфоз» отражает одно весьма характерное для еврипидического творчества представление, а именно глубокое (и, вообще говоря, ни на чем не основанное) представление о том, что интеллектуальные и духовные качества наследуются так же, как и физические особенности конституции. Овидий, описывая деградацию человечества, вообще не делает различий между психическими и фи-

¹ Овидий. Метаморфозы. М., 1977. С. 33.

² Там же.

зическими характеристиками, перечисляя их через запятую. К этому же приему позднее станут прибегать и евгенисты «научного» этапа развития евгеники. К этому времени обычай недифференцированного подхода к личностным характеристикам уже оформится в традицию. Но едва ли довод традиционности может служить оправданием для ученых, претендующих на объективность и непредвзятость анализа. То, что было прощительно Овидию, ничего не ведавшему о законах наследственности, гораздо труднее простить исследователям, вооруженным научным знанием.

Гесиод в поэме «Работы и дни» подробно описывает, как человечество ступень за ступенью нисходит с высоты «бого-равного счастья» к глубочайшему несчастью и крайней испорченности. Э.Роде пишет, что в знаменитом отрывке о «пяти поколениях» людей, который сюжетно никак не связан с остальными текстами поэмы, отразились глубочайшие народные представления: «Переносить в древность состояние земного совершенства свойственно всем народам, по крайней мере до тех пор, пока не острые исторические воспоминания, а радостные сказки и блестящие грезы поэтов сообщают им об этой древности»³.

Ценность творчества Гесиода, при всей его традиционности, заключается в том, что поэт пытается обнаружить разумное объяснение тому, почему человек, творение богов, столь несовершенен, а жизнь его столь тяжела. Объяснение оказывается двояким, ибо не вся вина лежит на людях: причиной первого и самого значительного ухудшения человеческой породы стала «смена власти» на Олимпе — золотой век человечества был связан с правлением Кроноса:

Создали прежде всего поколение людей золотое
Вечно-живущие боги, владельцы жилищ олимпийских.
Был еще Крон-повелитель в то время владыкою неба.
Жили те люди, как боги с спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны

³ Роде Э. // Гесиод. Работы и дни. М., 1927. С. 74.

Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили.
А умирали как будто объятые сном...

Автором всех последующих творений был сын Кроноса Зевс (Кронид), свергнувший отца и захвативший власть насильственным путем. Его создания были уже не столь совершенны, как вышедшие из рук отца. Но главное — люди проявили непочтительность к богам, доказав тем самым, что они не достойны легкой и приятной жизни, мягкого климата и плодородной земли. Кронид предпринял несколько попыток создать человека заново, но с каждым разом люди все больше отдалялись от идеального состояния золотого века:

После того поколение другое, уж много похуже,
Из серебра сотворили великие боги Олимпа.
Было не схоже оно с золотым ни обличем, ни мыслью.
Сотни годов возрастал человек неразумным ребенком,
Дома близ матери доброй забавами детскими тешась.
А, наконец, возмужавши и зрелости полной достигнув,
Жили лишь малое время, на беды себя обрекая
Собственной глупостью...

Третье родитель-Кронид поколение людей говорящих
Медное создал, ни в чем с поколением несхожее прежним.
С копьями. Были те люди могучи и страшны. Любили
Грозное дело Арея, насильшину. Хлеба не ели.
Крепче железа был дух их могучий. Никто приближаться
К ним не решался: великою силой они обладали...
Сила ужасная собственных рук принесла им погибель...
... и, как ни страшны они были,
Черная смерть их взяла и лишила сияния солнца.

После того, как земля поколение и это покрыла,
Снова еще поколение, четвертое, создал Кронион
На многодарной земле, справедливее прежних и лучше, -
Славных героев божественный род. Называют их люди
Полубогами: они на земле обитали пред нами.
Грозная их погубила война и ужасная битва⁴.

⁴ Гесиод. Работы и дни. М., 1927. С. 42–44.

Остановимся в этом месте, чтобы прокомментировать тот странный разрыв, который образовался в картине постепенной и неуклонной деградации человечества: по мнению исследователей творчества Гесиода, четвертое поколение, поколение героев, не соотношенное ни с каким из «металлов», включено в народные представления, излагаемые Гесиодом, под влиянием Гомера. В действительности же, сразу вслед за медным веком должен следовать век железный, т.е. поколение современников автора «Работ и дней». Это поистине проклятое поколение, главный порок которого заключается в непочтительности к старшим и в нежелании чтить богов (как это уже делали люди серебряного века, за что и понесли наказание) и соблюдать обычаи предков. Этому поколению также грозит неотвратимая гибель, жизнь его тяжела и «многодарная» земля ни в чем ему не помогает:

Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
Раньше его умереть я хотел бы, иль прежде родиться.
Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя,
И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им⁵.

Несмотря на разнообразие декоративных элементов, сопровождающих мифы о золотом веке, все они, независимо от географии происхождения, обнаруживают поразительное сюжетное сходство. Если провести грубое обобщение, то они описывают обстоятельства утраты человеком духовного и физического совершенства, а также легкой и изобильной жизни. Иногда это происходит по независящим от человека причинам (например, в результате смены власти на Олимпе: Зевс свергает своего отца Кроноса, а на земле серебряный век приходит на смену золотому). Но чаще вина лежит на самих людях, как в известной библейской истории о грехопадении Адама и Евы, первоначально обитавших в саду Едемском, где все деревья были «приятны на вид и хороши для пищи». Когда же люди нарушили прямой запрет

⁵ Гесиод. Работы и дни. С. 45.

вкушать плоды с древа познания добра и зла, Господь сказал Адаму: «за то, что ты послушался голоса жены твоей и ел от дерева, о котором я заповедал тебе, сказав: «не ешь от него», проклята земля за тебя: со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей. Терние и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою. В поте лица будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты и в прах возвратишься»⁶.

Такая же объяснительная схема обнаруживается в подавляющем большинстве антропогонических мифов: вначале — совершенство тварного мира и человека, затем — грех, ошибка или обман, и, как результат, наступление «железного века», длящегося и поныне. Конечно, имеются и различия, касающиеся главным образом представлений о счастливой жизни, хорошей погоде (она может быть теплой или, наоборот, прохладной, в зависимости от того, в каком климате обитает народ, сочинивший легенду, но всегда — прямо противоположной тому, что имеет место быть). Имеются расхождения и относительно продолжительности жизни людей золотого века. Например, согласно библейскому мифу об изгнании из рая, Адам и Ева не были бессмертны. Это видно из следующего отрывка: «И сказал Господь Бог: вот Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от древа жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. И выслал его Господь из сада Едемского, чтобы возделывать землю из которой он взят»⁷.

Тема бессмертия занимает значительное место в мифологической традиции, и библейская история, в которой людей изгоняют из рая еще и для того, чтобы они не сделались бессмертными и не уподобились богам, не вполне типична. В большинстве мифов описывается как раз обратная последовательность событий: бессмертные предки людей в результате какого-то промаха или преступления (как правило —

⁶ Быт. 3. С. 17--19.

⁷ Быт. 3. С. 22--23.

ритуального убийства соплеменника), утрачивают дар вечной жизни. Правда, взамен они обычно приобретают бессмертную душу и всевозможные культурные блага вроде орудий труда и сельскохозяйственных растений. Весьма типичной в этом отношении является легенда аборигенов острова Серам (восточная Индонезия) о чудесной девушке по имени *Хайнувеле*, рожденной из дерева. Согласно легенде, она обладала неким неистощимым источником полезных вещей, которыми охотно одаривала соплеменников. И сначала люди радовались подаркам, но постепенно щедрость девушки стала их раздражать, ибо нарушала размеренное равновесие жизни. Тогда люди решили убить Хайнувеле. С этой целью девять наиболее почитаемых семейств племени в течение девяти ночей танцевали на центральной площади деревни ритуальный танец, всякий раз выводя по одному витку спирали. В центре спирали сидела Хайнувеле и одаривала всех танцующих. На девятую ночь в центре площади была вырыта яма, в которую танцующие люди столкнули Хайнувеле, а затем плотно утоптали землю над ней. Отец девушки, узнав о совершенном преступлении, вырыл дочь из могилы, разрубил ее тело на части и закопал по всей территории площади, где танцевали люди, убившие его дочь (позже из этих кусков плоти появились многочисленные полезные вещи, которых раньше не было, в том числе и корнеплоды, составляющие основную пищу аборигенов о. Серам). Только руки дочери он не стал закапывать, а отнес их богине *Мулуа Сатене*, которая в то время еще жила среди людей. Узнав о совершенном преступлении богиня страшно разгневалась и решила покинуть людей. Но сначала она построила ворота в виде спирали из девяти витков на том месте, где была убита девушка. Потом она собрала всех жителей деревни у одного края ворот, сама же встала у другого, и сказала: «Теперь я хочу уйти от вас, но прежде вы должны пройти через эти ворота. Тот, кто отважится на это, останется человеком, кто нет — станет зверем или демоном леса». Многие люди решились пройти ворота. Мулуа Сатене стояла на выходе и прикаса-